

Е. П. Истомина

**Конструктивная роль понятия «граница»
в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»**

В статье рассматривается категория границы как конструктивный принцип в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»» и выявляется ее реализация в процессе формирования хронотопа порога, а также выстраивания значимых параллелей и оппозиций. Такой подход позволяет обнаружить функции категории границы на различных уровнях художественной структуры произведения.

Ключевые слова: граница, конструктивный принцип, «путешествие», оппозиция, «свое», «чужое», композиция, хронотоп, рамочный элемент, романтизм, реализм, точка зрения.

E. P. Istomina

**Constructive Role of the Concept “Border”
in Travel Essays by I. A. Goncharov “The Frigate” The Pallada”**

The article explores the category of border as a constructive principle and reveals its realization in the process of the forming the chronotop of threshold and the construction of important parallels and oppositions in the travel essays by I. A. Goncharov “The Frigate “The Pallada””. This approach allows to discover functions of the category of border on different levels of the artistic structure of the work.

Key words: border, constructive principle, “traveling”, opposition, “own”, “alien”, composition, chronotop, frame element, romanticism, realism, point of view.

Категория границы является важнейшим научным, философским и этическим понятием. Индивидуализируя явление, граница придает ему значимость и одновременно структурирует внешнее пространство, так как вещь можно различать, лишь выделяя ее из чего-то. Обозначая совмещение несовместимого, точку, в которой нечто переходит в свою противоположность, граница обладает парадоксальностью: разъединяя вещи, она в то же время объединяет их, становится основой их связи.

К исследованию феномена границы как механизма формо- и смыслообразования в искусстве обращались Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Б. А. Успенский, М. Виролайнен, Ж. Женетт, У. Эко, Г. Зиммель и др. Однако вследствие своей противоречивой природы категория границы в литературоведении продолжает оставаться теоретической проблемой.

Исследователи отмечают, что феномен границы в литературе формируется на протяжении длительного времени и имеет истоки в мифопоэтическом творчестве народа. Представляя собой переход, пересечение, встречу, граница соотносена с переживанием кризисных, переломных жизненных моментов. С этим связана одна из существенных смыслообразующих функций гра-

ницы – формирование хронотопа «порога». Кроме этого, к формам реализации категории границы следует отнести выстраивание значимых оппозиций и параллелей, со- и противопоставление различных жанровых стратегий, мотивов и образов.

В статье исследуется реализация границы как конструктивного принципа в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада»» на примере первой главы, которая в силу своего пограничного положения в художественной структуре книги задает определенный «горизонт ожидания».

С обозначения границы, разделившей временной континуум повествователя на две неравнозначные части, начинаются очерки путешествия «Фрегат «Паллада»: «Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я – скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключенный в четырех стенах, с несколькими десятками похожих друг на друга лиц, вицмундиров. В другом я – новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть с табачной жвачкой во рту, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступ-

ную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства. Там я редактор докладов, отношений и предписаний; здесь певец, хотя *ex officio*, похода» [2, т. 1, с. 10].

Само высказывание раздваивается: одна его часть охватывает прошлое, другая конструирует будущее, в то время как настоящего, «здесь и теперь», как бы вовсе не существует или, точнее, оно зафиксировано как момент выпадения («вдруг...») из нормального течения времени. Эта точка «вневременного зияния между двумя моментами времени» (М. М. Бахтин) находится как бы на перпендикуляре по отношению ко времени, имеющему горизонтальное протяжение. С этой позиции прошлое представляется лишенным каких-либо событий, непрерывным и без отчетливых границ и вектора своего движения. Будущее же, напротив, рисуется как процесс вырастания из самого себя и отделения от среды, как время свершения событий и обретения смысла.

Таким образом, первый уровень реализации категории границы в очерках путешествия И. А. Гончарова – конструирование образа путешественника. Граница в данном случае проявляется как знак «неслиянности и нераздельности» двух ипостасей путешественника – «скромного чиновника» и «аргонавта», диалог которых предопределяет дальнейшее развитие повествования в двух планах – прозаическом и поэтическом (реалистическом и романтическом).

Граница в данном случае обуславливает различие двух хронотопов, соотношенных с прошлым и будущим. Если прошлое связано с биографическим временем в жизни повествователя, медленно протекавшем «в обжитом внутреннем пространстве, вдали от порога» [1, с. 401], то картина будущего перемещается в мифологическое пространство (путешествие аргонавтов за золотым руном), что придает пространственным и временным объектам, образующим своеобразный «неомифологический» хронотоп, символику добывания некоего культурного знания и актуализирует архетип путешествия как особо напряженного пути, концентрирующего основную опасность в моменты пересечения границ.

Так, уже на уровне психологического наполнения мотива границы проявляется направленность на постижение в ходе путешествия времени и его ритма, служащая ключом к важнейшей антиномии творчества писателя, повлиявшей на замысел очерков путешествия, – антиномии «сна» и «движения». В координатах земной Вселенной это означает проецирование тех же законов дви-

жения и развития на страны, нации, континенты. Так, обобщая большую часть впечатлений путешествия, автор замечает: «Пройдет еще немного времени, и не станет ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства. <...> Части света быстро сближаются между собой: из Европы в Америку – рукой подать» [2, т. 1, с. 12]. Таким образом, настоящим событием книги становится не столько пересечение границ пространства, сколько преодоление временных границ: от прошлого к будущему, от сна к движению и развитию, от романтизма к реализму.

Как было отмечено выше, в стилистическом отношении это движение связано с разграничением двух типов художественного мышления – романтического и реалистического. Оно обнаруживается в диалоге двух ипостасей путешественника.

Романтизм, «поэзия» проявляет себя в тяготе к экзотике, а также в поляризации мира, делении его на область чудес и обычного, нормы. С точки зрения антитезы культурный центр – природная периферия, романтизм определяет хронотоп путешествия как время и пространство периферии: «Нет, не в Париж хочу, не в Лондон, даже не в Италию, как звучно вы о ней ни пели, поэт, – хочу в Бразилию, в Индию, хочу туда, где солнце из камня вызывает жизнь и тут же рядом превращает в камень все, чего коснется своим огнем» [2, т. 1, с. 8–9].

В соответствии с романтической логикой полюса не изолированы друг от друга, а максимально приближены, и одно и то же явление в одно и то же время проявляет себя с противоположных сторон («солнце из камня вызывает жизнь и тут же рядом превращает в камень все, чего коснется своим огнем»). Полюсная структура мира, которую утверждает романтизм (центр-периферия), приближается к бинарной по своей сущности логике мифа (цикличность времени). «Реалистическое» опровержение романтическим мечтам о чудесном путешествии строится уже не на основе логики мифа, а на основе логики истории (линейность времени), в соответствии с которой само движение времени устремлено к тому, чтобы сокращать дистанцию между противоположными явлениями и нейтрализовывать границы: «Все подходит под какой-то прозаический уровень. Колонисты не мучат невольников, покупщики и продавцы негров называются уже не купцами, а разбойниками; в пустынях учреждаются станции, отели; через бездонные пропасти вешают мосты» [2, т. 1, с. 13].

Противодействие романтизму со стороны реализма корректирует картину мира в сторону нейтрализации границ. «Реалистическое» сглаживание границ происходит, с одной стороны, вследствие обнаружения хода времени, а с другой – в результате погружения в чужую национальную среду, особой позиции повествователя одновременно и внутренней по отношению к познаваемому объекту, и внешней, ориентированной на сопоставление «своего» и «чужого». Так, например, путешественник стремится не отделить себя от «чужого» мира, а «слить свою жизнь» с его жизнью; увидеть не праздничную сторону «чужой» жизни, а обыденную. Об этом его признание: «Многие обрадовались бы видеть <...> праздничную сторону народа и столицы, но я ждал не того; я видел это у себя; мне улыбался завтрашний, будничный день. Мне хотелось путешествовать не официально, не приехать и “осматривать”, а жить и смотреть на все, не насилуя наблюдательности; не задавая себе утомительных уроков осматривать ежедневно, с гидом в руках, по столько-то улиц, музеев, зданий, церквей» [2, т. 1, с. 19].

В результате точку зрения автора можно обозначить как явленную где-то на границе между хронотопами «своего» и «чужого», а результатом путешествия должна стать параллель между ними: «Путешествовать с наслаждением и пользой, – пишет И. А. Гончаров, – значит, пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать: тут непременно проведешь параллель, которая и есть результат путешествия» [1, т. 1, с. 42].

Таким образом, закладывается структурообразующая оппозиция очерков путешествия И. А. Гончарова – «свое» и «чужое». При этом важно отметить, что хронотоп порога, формируемый границей, создает диалоговую ситуацию: «Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин...» [2, т. 1, с. 54].

Следует отметить, что в контексте истории создания произведения положение первой главы особое. Она написана гораздо позднее начала путешествия, уже ближе к его завершению (но до возвращения в Россию и «сибирских» глав) и содержит своеобразный синтез этих глав, отграничивая на уровне замысла два контекста – «свое» и «чужое». Являясь ключом к контексту «чужого», она в то же время создает установку на восприятие времени как глобального контекста по отношению как к «своему», так и к «чужому» пространству. При этом Англия, мир ко-

торой появляется на страницах очерков путешествия первым, располагается между двух полюсов, двух «берегов» «своего» пространства – между «патриархальной Русью» и «сибирской Русью». Диалог двух топосов, таким образом, может быть выделен как один из центральных смысловых моментов книги.

Мир Англии в качестве рамочного элемента текста программирует многие основные мотивы и идеи книги. Лондон встречает путешественника открытыми дверями «зданий, где увидишь что-нибудь любопытное: действие паров, образчик воздухоплавания, движения разных машин» [2, т. 1, с. 44]. Снятие границ здесь знаковое: присутствие англичан во всем мире зафиксировано еще до посещения этой страны и символизирует слияние с самой идеей времени и завоевание лидирующих позиций в мире.

Первое впечатление от Лондона у путешественника оказалось потрясающим: «Не забуду картины пылающего в газовом пламени необъятного города, представляющейся путешественнику, когда он подъезжает к нему вечером. Паровоз вторгается в этот океан блеска и мчит по крышам домов, над изящными пропастями, где, как в калейдоскопе, между расписанных, облитых ярким блеском огня и красок улиц, движется муравейник» [2, т. 1, с. 40].

Город отображен в импрессионистическом пейзаже (динамика, яркий блеск), запечатлевшем как бы в разрезе одного мгновения ход времени, приведший к основательной трансформации картины мира и, в частности, пространства и времени как важнейших ее координат: оксюморон «изящные пропасти» несет в себе семантику покоренного пространства, а образ паровоза отражает стремительный ход времени. Эту цивилизацию, переживающую свое второе рождение, характеризует устремленность в будущее и освоение пространства и времени.

Трансформации подвергаются также природные объекты, конституирующие и ограничивающие пространство. Путешественник пытается найти взглядом реку: «Я отчаялся уже и видеть реку, но дохнул ветерок, и Темза явилась во всем своем некрасивом наряде, обстроенная кирпичными неопрятными зданиями, задавленная судами. Зато какая жизнь и деятельность кипит на этой зыбкой улице, управляемая Меркуриевым жезлом!» [2, т. 1, с. 40]

В традиционных культурах река является одним из вариантов мифологической «оси мира», границы, соединяющей и разделяющей несколь-

ко миров и создающей «абсолютную точку опоры» в ранее однородном, не упорядоченном пространстве [4, с. 26]. В новой системе координат образ-символ реки – торговая магистраль, «зыбкая улица». Она по-прежнему удерживает роль одного из главных пространственных центров, но в связи с изменением ценностных установок (река – «зыбкая улица») происходит переориентация картины мира относительно человека, а не космоса, смещение «абсолютной точки опоры» в область прагматических интересов. И это не ускользает от внимательного взгляда путешественника: «Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле» [2, т. 1, с. 49].

Таким образом, уже на языке пространственных отношений выявляется одна из существеннейших трансформаций картины мира – утрата центра, оси мира, на которую можно опереться и на которую «нанализуются» двоичные оппозиции, что должно свидетельствовать о новом процессе космогонии и новой дихотомизации мира на иных основаниях. Такая модель мира может быть соотнесена с возрожденческой картиной мира, в которой человек берет на себя роль нового демиурга и творит мир по своему замыслу (П. А. Флоренский писал о ней: «Возрожденческое искусство, сделав попытку вернуться к эллинской уравновешенности горизонтали и вертикали, не удерживается тут и разрастается в безмерность и дурную бесконечность» [3, с. 190]).

Выдвижение человека, «новейшего англичанина», как нового демиурга, преобладание семантики деятельности, преобразующей активности (цель, план, расписание, программа) приводит к тому, что в процессе новой космогонии граница природного и культурного перестает ощущаться: «Какая там природа! Ее нет, она возделана до того, что все растет и живет по программе. Люди овладели ею и сглаживают ее вольные следы. Поля здесь расписные паркетки <...>. В поле не найдешь праздного клочка земли; в парке нет самородного куста» [2, т. 1, с. 51].

«Сглаживанию» подлежат не только «вольные следы» в природе, но и духовная сфера человека, регламентируемая тем же законом практической пользы. Гончаров сознает закономерность того, что переход на новый уровень цивилизации не привел к усложнению духовной жизни, она обнаруживает свою избыточность в механизированной культуре: «В животных стрем-

ление к исполнению своего назначения простерто, кажется, до разумного сознания, а в людях, наоборот, низведено до животного инстинкта» [2, т. 1, с. 51].

Между тем все, что логически просчитано с точки зрения полезности, отработано и вылилось в привычную форму национальной жизни, приобретает уродливые, противоречивые черты: «Филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут не только отдельные личности, семейства, но целые страны под английским управлением» [2, т. 1, с. 51]. Таким образом, категория границы, в данном контексте означающая невозможность перехода (застывание в одном состоянии), становится средством изображения прогресса как поступательного движения, приводящего к оскудению духовного начала в человеке, процесса, идущего путем унификации и сглаживания. Таким образом, с позиции изнутри движение мыслится как позитивное продвижение вперед, а извне (позиция повествователя) как фатальная обездвиженность или бег по кругу.

Человек с его нравственно-духовным миром приравнивается к тем знаниям, умениям и навыкам, которыми он обладает. В результате граница практической пользы, выгоды ставит предел развитию человека: «Механик, инженер не побоятся упрека в незнании политической экономии: он никогда не прочел ни одной книги по этой части; не заговаривайте с ним ни о естественных науках, ни о чем, кроме инженерной части – он покажется так жалко ограничен... а между тем под этой ограниченностью кроется иногда огромный талант и всегда сильный ум, но ум, весь ушедший в механику. Скучно покажется “универсально” образованному человеку заговаривать с ним в гостиной; но, имея завод, пожелаешь выписать к себе его самого или его производство» [1, т. 1, с. 51].

Итак, Лондон в восприятии Гончарова – это апогей цивилизации, и в контексте законов времени и исторического развития обозначает то, к чему движется все человечество. Вследствие этого впечатления путешественника захватывают не только границу внешней эффектности открывшейся ему картины, но и ту дистанцию, ту пространственную и временную границу, которая отделяет европейскую реальность от реальности азиатской и «евроазиатской». Эта дистанция оказывается морально значимой, ибо время несет с собой такие изменения, которые приводят к кардинальным изменениям картины мира и

положения человека в нем. Мыслимым хронотопом, с точки зрения которого оценивается нравственное содержание жизни, для писателя является хронотоп «своего».

Оппозиция «своего» и «чужого» находит композиционное выражение в делении главы на две части. Первая – знакомство с распорядком дня «новейшего англичанина», вторая – мысленное возвращение в Обломовку и описание дня русского барина.

Сюжетная тождественность обеих частей подчеркивает внутреннюю разницу двух типов бытия в один временной период. Но в предпринятом противопоставлении для Гончарова особенно значим ответ на вопрос о нравственном содержании стиля жизни. По завершении русской картины следует вопрос: «Что же? Среди этой деятельной лени и ленивой деятельности нет и помина о бедных, о благотворительных обществах, нет заботливой руки, которая бы... А барин, стало быть, живет в себя, “в свое брюхо”, как говорят в той стороне?» [2, т. 1, с. 67]. Ответ – отрицательный, и в качестве аргумента описана искренняя забота помещика о ближних: «И многие годы проходят так, и многие сотни уходят “куда-то” у барина, хотя денег, по-видимому, не бросают» [2, т. 1, с. 67]. Барин следует традиционной русской щедрости по отношению к бедным и обиженным (дается развернутая картина русской деревни, через которую идут нищие). Полемический выпад этой «новеллы» против

предшествующей («День новейшего англичанина») поддержан повторяющимися деталями с обратным знаком (например, англичанин использует две машинки – одна для счета, другая для снятия сапог; русскому стягивает сапоги слуга, а деньги он – «Не по машинке считал!» – тратил на помощь людям). Таким образом, граница приобретает функцию зеркального переворачивания, когда то, что постулируется как данность в одном мире, оборачивается своей противоположностью в другом.

Таким образом, на материале анализа первой главы очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» можно утверждать, что категория границы здесь представлена как важный конструктивный принцип, проявляющийся на уровне как внешней композиции (потенциал первой главы как рамочного элемента текста), так и внутренней (мотивная структура, хронотоп, сюжет, точка зрения автора, выстраивание значимых оппозиций, диалог стилевых манер).

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
2. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада» [Текст] : Очерки путешествия : в 2 т. / И. А. Гончаров, изд. подгот. Т. И. Орнатская. – Л. : Наука, 1986.
3. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993.
4. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994.